

УДК 94 (477.82) – 058.12.:26 “16“

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Роман НОВОЖЕЕВ (Брянск, Российская Федерация)

Публікація присвячена дослідженню історико-археологічних аспектів давньоруських сільських поселень. Зазначається, що основою давньоруського села був сільський двір(садиба). Двір – важлива форма соціальної організації населення Русі з високорозвиненою матеріальною культурою.

Ключові слова: сільський двір, населення, матеріальна культура.

Статья посвящена историко-археологическим аспектам исследования древнерусских сельских поселений. Во второй половине XX века внимание историков и археологов привлекла древнерусская деревня. Основой древнерусского села являлся двор (усадьба). Двор был важной формой социальной организации древнерусского населения и обладал развитой материальной культурой.

Ключевые слова: поселение, двор(усадьба), материальная культура.

The present paper is dedicated to the study of some aspects of ancient Russian country settlements. In the second half of the xx century historians and archeologists devoted all their attention on the ancient Russian village. The base of ancient russia was the yard (farmstead). The yard was an important firm of organization for the ancient russian population and a development center of material culture.

Key words: settlement, homestead, material Culture

Двор – это комплекс одновременно существующих жилых, хозяйственных и производственных построек, составляющих единое архитектурное и хозяйственное целое и огражденный от соседних участков забором.

Двор являлся важнейшей формой организации не только экономической деятельности, но и сферой социальной самореализации человека. В рамках усадебного хозяйства и взаимоотношений людей, населяющих усадьбу, формировалась основная социальная единица – семья как домохозяйство. Двор, усадьба олицетворяли собой локальное окультуренное пространство, цивилизацию, в противопоставлении дикой природе, враждебному пространству. Дом воспринимался как священное место; соответственно, усадьба – как место священнодействий. Двор был весь пронизан символикой, с помощью которой каждая средневековая семья стремилась обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье. Крестьянский двор выступал наряду с общиной формой сельской повседневности. Он являлся основной производственной ячейкой сельской общины, на нем держались все хозяйственные связи в деревне. Он же служил основой бытовой морали крестьян. Таким образом, статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне.

Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности, социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи. Ценность двора как социально важной единицы подтверждает суровая санкция статьи Русской Правды: “Аже зажъжетъ гумно, то на потокъ, на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ проце князю поточити и; тако же, *аже кто дворъ зажъжетъ*” [1, с.47].

Традиционно считается, что усадебная застройка и уличная планировка были характерны лишь для городских поселений домонгольской Руси. Археологическое исследование древнерусских городов показало, что в основе их топографии лежит именно усадьба. Наиболее обширный материал дали исследования в Новгороде Великом. В новгородскую археологию термин усадьба вошел уже довольно давно [2,3,4]. Усадьбы, обнаруженные на Неревском, Михайловском, Троицком и Ильменском раскопах имели площадь от 400 до 2000 кв. м [5]. Размеры дворов свидетельствуют о социальном статусе владельцев усадеб. Усадьбы большей площади принадлежали представителям экономически устойчивого господствующего сословия, усадьбы с минимальной площади относят к владениям рядовых свободных горожан.

Вопрос о топографии древнерусских сельских поселений долгое время оставался белым пятном в археологии. Да и сами сельские поселения долгое время не привлекали исследователей. Их было трудно обнаружить даже тщательными разведками, так как селища, в отличие от укрепленных поселений, не выражены в ландшафте местности. Материальная культура деревни долгое время считалась бедной и не сравнимой с теми открытиями, которые могут преподнести исследования городского слоя. Таким образом, древнерусское село привлекло исследователей не ранее 30-х – 50-х годов XX века. Но и тогда, и в последующие 20-30 лет древнерусские селища исследовались частично, вскрытие культурного слоя большими площадями не проводилось, а это не давало возможности составить четкое представление о топографии поселений. Соотношение исследованных древнерусских городов и сёл было явно не в пользу последних. Даже в середине 80-х исследования древнерусского села было на таком низком уровне, что позволило А. В. Кузе написать: “До сих пор полностью не раскопано ни одно селище; районы сплошного обследования, где было выявлено большинство древнерусских сельских поселений, территориально ограничены и крайне малочисленны” [6, с.97].

В 1980-х годах начинается новый этап в археологическом изучении древнерусских сельских поселений. Следует отметить исследования А. П. Моци, В. П. Коваленко, Е. М. Веремейчик, А. В. Шекуна, Ю. Н. Сытого, (Черниговщина), Т. Н. Никольской (земля вятичей), Я. Г. Риера (Могилевщина), Б. А. Тимощука (Поднестровье), В. А. Петрашенко (Среднее Поднепровье) и др. В середине 1990-х. Н. А. Макаров начинает многолетние исследования эталонного сельского микрорегиона на Севере Древней Руси. Для этой цели был выбран уникальный комплекс археологических памятников у д. Минино на Кубенском озере. Эти работы продолжались в течение девяти полевых сезонов и дали исключительный по

своей важности результат. На сравнительно небольшой площади, исследованной раскопками, изучены остатки жилищ и средневековых полей с пахотными горизонтами, производственные комплексы, погребения. В Минине собрана грандиозная для древнерусских сельских поселений вещевая коллекция, насчитывающая около 10 тысяч средневековых вещей. Раскопками в Минине Н. А. Макаров показал, что северная деревня XI-XIII вв. – сложный социальный и хозяйственный организм, не соответствующий распространенным представлениям о простоте изначальных форм крестьянского быта на Севере. Колонизация северной периферии Древней Руси сопровождалась устройством крупных поселений, жители которых занимались лесными промыслами, сельским хозяйством и торговлей [7].

Во второй половине 1980-х гг. Днепровская Древнерусская экспедиция ИА АН УССР и Черниговского пединститута им. Т. Г. Шевченко начали работы по исследованию селища у с. Автуничи Городнянского р-на Черниговской области. За 1988-89 гг. было вскрыто около 10 тыс. кв. м культурного слоя, при этом выявлено 155 построек и 100 хозяйственных ям [8, с.36], к середине 1990-х годов вскрытая площадь составила около 25 тыс. кв.м., изучено более 400 построек, 221 яма, 131 канавка от оград [9, с.101]. В течение 80-х гг. на Черниговщине исследовалось поселение Лесковое, расположенное в бассейне р. Белоус, правом притоке Десны. В общей сложности было исследовано более 11 тыс. кв. м., что составило 22% площади селища, обнаружено 378 археологических объектов [10, с.70-71]. С 1993 года О. Н. Енуковой ведется исследовательская работа на Липинском археологическом комплексе (Октябрьский р-н Курской области), где на селище вскрыто около 10 тыс. кв. м [11, с.6].

На данный момент это наиболее хорошо исследованные памятники на культурном пространстве Древней Руси. Накопление обширного фактического материала позволило исследователям делать обоснованные выводы и даже поломать устоявшиеся историографические штампы. В частности, под сомнение был поставлен традиционный стереотип об отсутствии замков и других запирающих устройств в древнерусских сельских жилищах. Оказалось, что в древнерусской деревне металлические и деревянные замки были распространены не менее широко, чем в городах, и даже некоторые хозяйственные постройки запирались на замок. [12, с.34-36]. Представления о характере древнерусских селищ, их планировке, хозяйственном укладе и домостроительстве претерпели существенные изменения.

Оказалось, что материальная культура сельских поселений не менее богата и разнообразна, во всяком случае, сравнима с миром вещей жителей небольших городов. Конструктивные особенности жилых, хозяйственных и производственных построек также не отличаются примитивностью и “деревенской простотой”. И, пожалуй, самый важный, в нашем случае, вывод – на древнерусских сельских поселениях имела место усадебная застройка.

В начальный период освоения территории сельские поселения мало отличались друг от друга, и процесс их развития происходил весьма сходно. Жилища и хозяйственные постройки однообразны и не объединены по усадебному принципу. Но уже на рубеже XI-XII вв. усиливается дифференциация на сельских поселениях. Появляются и сосуществуют разного рода жилища – полуземлянки, жилища на жилых и нежилых подклетах, двух- и трехкамерные. Хозяйственные

комплексы концентрируются вокруг жилищ, и только пожароопасные производства и отдельные ямы выносятся на окраину поселений. Появляются новые селища, где культурный слой не покрывает всю территорию памятника, а фиксируется только вокруг построек. Это первый признак зарождающейся усадебно-дворовой топографии сельских поселений.

Дворовая застройка на древнерусских сельских поселениях Подесенья возникает уже в первой половине XII века. А к концу того же века становится господствующей [13, с.75]. И главным признаком двора становится не столько концентрация культурного слоя вокруг жилых и хозяйственных построек, но, в первую очередь, забор – ограда, отделявший один двор от другого.

Исследования А. В. Шекуна на селище Ров-2 около с. Шестовицы Черниговской области выявили две усадьбы рубежа XII-XIII вв. [14, с.36-37]. Одна из усадеб имела площадь 480 кв. м. На ней выявлено 7 построек и три хозяйственных ямы. Постройки располагались по кругу так, что в центре оставался свободный дворик площадью 85 кв.м. Усадьбу окружала ограда столбовой конструкции. Главной постройкой являлось, углубленное в землю на 0,75 м, жилище, площадью 13,6 кв.м. С запада к жилищу примыкали небольшие сени (0,75 x 0,9 м). В юго-западном углу находилась округлая глинобитная печь. Жилище было заброшено его владельцами, котлован был засыпан, а в 1,2 м от старого была возведена новая жилая постройка. Оно повторяло размеры и конструктивные особенности первого, но имело несколько большие сени (1,2 x 1,4 м) и деревянный пол, немного поднятый над землей. В 4 метрах от жилища находилась постройка (0,7-0,9 x 1,31 м) глубиной 0,6 м, заполненная обломками амфор и горшков большого диаметра. Вероятно, это была постройка, где хранились съестные припасы. Рядом с ней находилась прямоугольная постройка (1,8 x 2,7 м), глубиной 1,1 м. В углу ее котлована подбоем сделана округлая яма диаметром 1,4 м и глубиной 0,3 м. Такие постройки часто встречаются на древнерусских селищах и интерпретируются как погреба. Рядом с погребом находилась снопосушилка. Это была прямоугольная постройка (4 x 2,6 м), пол имел плавный уклон вдоль длинной оси, в северной части имелось овальное углубление (2,3 x 1,9 м), в котором выявлены остатки очага.

Еще в одной постройке грушевидной формы (4,8 x 2-3 м, глубиной 0,9 м) находился кузнечный горн. Следующая постройка имела квадратную форму (3,2 м, глубиной 1,1 м). В постройке находилась яма-погреб, и были найдены сельскохозяйственные орудия и большое количество костей домашнего скота. Вероятно, постройка имела производственно-хозяйственное назначение, здесь также хранился инструмент. В центре двора, свободном от построек, размещались яма-ледник (цилиндрической формы, диаметром 1 м, глубиной 1,65 м) и зерновая яма (колоколовидной формы, горловина 0,8 м, расширяющаяся ко дну до 1,6 м). Стены зерновой ямы обожжены. В такой яме можно было хранить до 700 кг зерна.

Две постройки и яма размещены за периметром усадьбы с северной стороны. Генетически, судя по заполнению котлованов, постройки связаны с усадьбой. Одна постройка прямоугольная (3 x 2,5 м, глубина 0,65 м). Другая имела углубленный на 0,3 м в материк котлован (1,5 x 1,8 м). Над котлованом на столбах был сделан навес. В 22 м от усадьбы на свободной территории находилась яма-скотомогильник

(діаметр 1,8 м, глибина 2 м), в которой были найдены скелеты двух лошадей и коровы. Ограда усадьбы прослежена в виде ямок от столбов на протяжении 25 м.

В 45 м от первой усадьбы находилась вторая. Территория между усадьбами была незастроенной. Вторая усадьба исследована на площади около 200 м. На ее территории были выявлены 3 полуземлянки, из которых одна объединяла функции жилого дома и ремесленной мастерской, а также хозяйственная постройка. Жилища имели одинаковые размеры и конструктивное устройство с жилищами первой усадьбы. Лишь одно жилище имело большие отличия от других. Его площадь 10 кв. м, из которых 2,4 кв.м занимала большая глинобитная печь (диаметром 1,6 м). В центральной части постройки на опечке находился кузнечный горн. В постройке обнаружены многочисленные инструменты, железный шлак, обломки металлических изделий. Хозяйственная постройка второй усадьбы находилась возле жилищ, это был погреб такой же конструкции, как и в первой усадьбе.

Как видим, в обеих усадьбах четко прослеживается закономерность размещения построек по периметру, оставляя небольшой внутренний дворик. Жилые постройки расположены на некотором расстоянии от объектов хозяйственного предназначения.

Что касается Автуничского поселения, то тут есть ряд нерешенных проблем осложняющих выделение усадебной планиграфии селища. В ходе исследований возник вопрос определения жилых построек. На большинстве синхронных памятников Черниговщины, Брянщины и Гомельщины жилища имеют углубленный котлован. На поселении Автуничи, несмотря на большие вскрытые площади, не выявлено ни одного такого объекта, который можно было бы четко интерпретировать как жилище. И, вероятно, жилища Автуничского комплекса были наземными, а поэтому и не прослеживаются в ходе археологических исследований, и только хозяйственно-производственные постройки имели котлованы [8, с.42-43]. Однако на селище, начиная со слоя рубежа XI-XII вв., четко выделяются группы построек, многие из которых разграничены оградами [8, с.63]. Так, в частности группа построек Д-3 объединяла 4 постройки и 3 ямы. Площадь в 810 кв. м была обнесена оградой [8, с.64]. Многие усадьбы функционировали немалое время, так как заборы между ними не раз поновлялись.

В XII в. практически все постройки на селище группируются по усадебному принципу и разделяются оградами. Постройки и другие объекты в усадьбах располагались полукругом, прямоугольником, либо по периметру. Как правило, в центре усадьбы оставался свободным от застройки дворик площадью до 120 кв. м [8, с.65]. Этнографы XIX-XX вв. отмечали, что крестьянский двор уже имел, как правило, трехрядную застройку. Лишь однажды, Н. Яснецким в 1939 г. в районе Изборска были отмечены, кроме дворов с трехрядной застройкой, также дворы, обстроенные по периметру, с непокрытой серединой (круглый двор). Со слов крестьян, пишет Яснецкий, это “наиболее древний вид” или “наиболее старинный тип” двора [15].

Таким образом, можно утверждать, что на рубеже XI-XII веков появляется, а затем становится господствующей усадебная застройка и уличная планировка селища Автуничи.

С середины XII в. дворовая застройка господствует и на поселении Лесковое. Сооружения усадеб концентрируются на небольшой территории вблизи жилища. Иногда расположенные рядом дворы разделены оградой [10, с.90-93].

Также усадьбы площадью 250-800 м выявлены на селищах Подмосковья и в районе Куликова поля, в окрестностях Ельца [16, 17]. Они представляют собой жилую постройку с хозяйственной зоной, на которой располагается усадебный двор, окруженный хозяйственными сооружениями.

География и масштабы исследований древнерусских сельских поселений растут с каждым годом как России, так и в Украине и Белоруссии. В настоящее время необходимо не только вводить в оборот новые фактические материалы, полученные вследствие археологических работ, но и на их основе проводить комплексные исторические исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому первому списку) / Нагаев А. С., Огнев В. Н. Практикум по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Учебное пособие для студентов. Вып. 1. М., 1984.
2. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
3. Хорошев А. С. Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. 1997.
4. Сорокин А. Н. Благоустройство усадеб в Древнем Новгороде. М., 1995.
5. Петров М. И., Сорокин А. Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода.// Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород. Вып. 11. 1997.
6. Древняя Русь. Город. Замок. Село. // Археология СССР.– М., 1985.
7. Археология северорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Отв. ред. член-корреспондент РАН Н.А. Макаров. В 3-х томах. М., 2007-2009.
8. Моця О. П., Орлов Р. С., Коваленко В. П. и др. Поселення Х-ХІІІ ст. біля с. Автуничі. //Південноруське село ІХ-ХІІІ ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)/ Ред. кол. О. П. Моця, В. П. Коваленко, В. О. Петрашенко. – Київ, 1997.
9. Моця А. П., Готун І. А., Коваленко В. П. Полесское село в древнерусской истории (по материалам пос. Автунич) // Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф. М. Заверняева. Брянск, 1995.
10. Шекун О. В., Веремійчик О. М. Поселення Ліскове у верхов'ях р. Білоус. // Південноруське село ІХ-ХІІІ ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)/ Ред. кол. О. П. Моця, В. П. Коваленко, В. О. Петрашенко. – Київ, 1997.
11. Енукова Е. Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX-XIII вв. [Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского госуниверситета]. Курск, 2007.
12. Новожеев Р. В. Древнерусская сельская усадьба. Материалы для реконструкции.– Брянск, 2010.
13. Шекун А. В. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры (по материалам Черниговщины).// Проблемы археологии южной Руси: Материалы ист.-археолог. семинара “Чернигов и его округа в IX – XIII вв.”, Чернигов, 1988 г. / ИА АН УССР. Ред.кол. П. П. Толочко и др. Киев, 1990.

14. Шекун О. В. Селянські садиби XI-поч.ХІІІ ст.// Друга Чернігівська обласна конференція історичного краєзнавства: тези доповідей.-Чернігів-Ніжин, 1988. С.36-37. См. також: Шекун О. В. Садиба кінця ХІІ-початку ХІІІ ст. (за матеріалами розкопок пос. Рів-2 біля с.Шестовиця)// Сайт "Археологія Чернигова" (<http://archeology.narod.ru>).

15. Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печерском крае (Псковской обл.)// Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР [Текст] / Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. П. И. Кушнер. - М.: Изд-во АН СССР, 1960.

16. Тропин Н. А. Елецкая земля в ХІІ-ХV вв. – Елец, 1999.

17. Гоняный М. И., Гриценко В. П. Поселение 2-ой пол. ХІІІ–нач. ХІV Березовка – 5 на Куликовом поле //Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Новожеев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики Брянской ГСХА, зав. научно-исследовательской лабораторией аграрной истории Брянской ГСХА.

Научные интересы: аграрная история, древнерусская деревня, археология сельских поселений Древней Руси, экспериментальная археология.

УДК 94(477) "1945/1955"

СВЯТА Й ОБРЯДИ УКРАЇНСЬКИХ СЕЛЯН ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ В ПОВОЄННИЙ ПЕРІОД (1945 – 1955 рр.)

Віра РЕВЕНКО (Миколаїв)

У статті проаналізовані різноманітні форми святкової буденності. Зроблені висновки, що народні традиції й релігійні свята займали провідні позиції в повсякденному житті селян, та, незважаючи на це, у суспільстві відбувалася поступова радянська свята.

Ключові слова: свята, обряди, загальнодержавні, сімейні, професійні, релігійні свята.

В статье проанализированы различные формы праздничной обыденности. Сделаны выводы, что народные традиции и религиозные праздники сохраняли ведущие позиции в повседневной жизни сельских жителей, но, не смотря на это, в обществе происходила советизация праздников.

Ключевые слова: праздники, обряды, общегосударственные, семейные, профессиональные, религиозные праздники.

The different forms of festive commonness are analysed in the article. Conclusions are done, that folk traditions and religious holidays were saved by leading positions in everyday life of villagers, but not looking on it there was sovietization of holidays in society.

Keywords: holidays, ceremonies, national, domestic, professional, religious holidays.

Відродження національної культури розпочинається з повернення й освоєння духовних цінностей, раніше відчужених від народу. Освоєння всіх багатств,